

59
25

От м. Емова

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

РАССЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/

тov. С Т А Л И Н У

Направляю Вам показания арестованного участника контр-революционной троцкистско-зиновьевской террористической организации СОСНОВСКОГО Л.

Протокол первичный, представляет собой стенографическую запись его показаний.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

Емов
(ЕЖОВ)

"23" ноября 1936 года.

№ 58757

ПРОТОКОЛ ДОПРОСАСОСНОВСКОГО, Льва Семеновича

от 14-15-16 ноября 1936 года.

СОСНОВСКИЙ Л.С., 1886 года рождения, уроженец гор. Оренбурга, по профессии журналист-литератор. Последнее время работал в редакции "Известий". Бывш. член ВКП/б/; с 1928 года по 1934 год находился в заключении за контрреволюционную троцкистскую деятельность.

Вопрос: - Гр-н СОСНОВСКИЙ, на следствии вы подали заявление на имя Народного Комиссара Внутренних Дел СССР тов. ЕЖОВА, в котором признаете себя виновным в принадлежности к троцкистской террористической организации до последнего времени. Там же вы заявили, что по возвращении в 1934 г. из ссылки, в троцкистскую, террористическую организацию вы были привлечены РАДЕКОМ Карлом, который обусловил ваше вхождение в организацию признанием терпера.

Вы подтверждаете это ваше заявление.

Ответ: - Да, подтверждаю целиком.

Вопрос: - Расскажите каким образом, при каких обстоятельствах вы были привлечены РАДЕКОМ в троцкистскую террористическую организацию.

Ответ: - По возвращении моем из ссылки, в феврале 1934 года в Москву, первые месяцы я не имел общения ни с

кем из троцкистов. 1 мая 1934 года при входе на Красную площадь, куда я получил билет от редакции "Социалистического земледелия", я встретил РАДЕКА.

Вопрос: - Это была первая встреча с РАДЕКОМ?

Ответ: - Да, первая.

Вопрос: - Где именно, у какого места вы встречались?

Ответ: - Встреча была мимолетная, мы продвигались от набережной до трибуны.

Вопрос: - О чём вы говорили в эту первую встречу с РАДЕКОМ, как РАДЕК вас встретил?

Ответ: - РАДЕК очень приветливо встретил меня и с особым выражением сказал: "Очень рад буду возобновить прежнюю дружбу". Этим и еще несколькими незначительными фразами закончилась первая встреча.

Вопрос: - Какой смысл имело выражение РАДЕКА о возобновлении прежней дружбы. Как вы поняли РАДЕКА?

Ответ: - Слова о прежней дружбе имели тот смысл, что помимо общности взглядов /троцкистских/, связывавших нас с РАДЕКОМ в период от профсоюзной дискуссии до момента моей высылки в Сибирь /январь 1928 г./ мы с РАДЕКОМ всегда поддерживали теплые личные дружеские отношения, бывали друг у друга довольно часто.

Вопрос: - Когда состоялась следующая встреча?

Ответ: - Летом 1934 года я зашел в редакцию "Известий" по какому-то небольшому делу. Редактор "Известий" Н.И.БУХАРИН встретил меня очень горячо.

БУХАРИН стал настаивать на сотрудничестве в редактируемой им газете. Не отказываясь от его предложения, я, однако, поставил условием, чтобы переход мой в "Известия" был сначала оформлен в соответствующем порядке.

БУХАРИН заявил, что это он сделает без затруднений. Порешили на том, что после летнего отпуска, с осени я перейду в "Известия".

Вопрос: - Продолжайте ваши показания о РАДЕКЕ. Мы к БУХАРИНУ еще вернемся.

Ответ: - Осенью 1934 года как сотрудник "Известий", я стал бывать в редакции довольно часто, но преимущественно днем, изредка бывал и в поздние часы и в один из таких вечеров встретил РАДЕКА. Он провел меня в свой кабинет / в иностранном отделе "Известий" /.

Эта вторая беседа ограничилась как-бы "прощупыванием" друг друга. Я оказался мало информированным человеком, так как возвратясь из ссылки, еще не успел ориентироваться в сложнейшей обстановке. РАДЕК же был, по своему положению, прекрасно осведомленным человеком и охотно рассказывал мне многое о положении дел в партии.

Я с первых слов уловил в его тоне, что он говорит о руководстве партии как бы "в третьем лице", т.е. как бы ставя себя стороной: "Мы и они". Это дало мне понять, что РАДЕК попрежнему состоит во враждебном отношении к партийному руководству и все его внешнее поведение - лишь маскировка двурушничества. Поскольку же я не выразил своего отрицательного отношения к его двурушничеству и

сразу не оборвал разговора, РАДЕК понял, что и я в какой-то мере разделяю его настроения.

Вопрос: - Вы утверждаете, что эта ваша беседа с РАДЕКОМ была в кабинете РАДЕКА в редакции "Известий"?

Ответ: - Да.

Вопрос: - Сколько времени она продолжалась?

Ответ: - Часа два.

Вопрос: - Кто был при этом?

Ответ: - Никого не было. Мы были вдвоем.

Вопрос: - А затем когда вы снова встретились?

Ответ: - Более откровенный разговор состоялся у нас с РАДЕКОМ лишь через несколько месяцев.

Вопрос: - Когда?

Ответ: - Не помню точной даты, но полагаю, что дело было в начале 1935 года в зимние месяцы.

Вопрос: - Где, в каком месте был разговор?

Ответ: - Однажды в редакции РАДЕК предложил мне поехать к нему на квартиру ужинать. Я согласился.

После того, как мы остались одни в его кабинете /квартира его в доме Правительства/, РАДЕК стал посвящать меня в создавшееся положение.

Вопрос: - Долго вы у него сидели?

Ответ: - Часа два-три.

Вопрос: - В какое именно "создавшееся положение" РАДЕК стал вас посвящать?

Ответ: - Он сообщил мне, что скрытая борьба против сталинского руководства продолжается, что вновь оформленлся троцкистский центр, куда входят наиболее видные участники троцкистской организации, что троцкистский центр установил связь с правыми /ТОМСКИЙ, БУХАРИН/.

Существенно новым для меня в его сообщении было, однако, не это, а то, что основной платформой контрреволюционного блока стал индивидуальный террор против руководителей партии.

Я находился еще под впечатлением провала группы ЗИНОВЬЕВА по делу КИРОВА, где выяснилось, что руководители зиновьевской группы брали на себя лишь моральную и политическую ответственность за убийство КИРОВА, но о принципиальных установках на террор, как об основной платформе блока мне не было известно.

РАДЕК подчеркивал, что в этом-то и суть нынешнего положения вещей. ТРОЦКИЙ - заявил РАДЕК, дал согласие на блок с зиновьевцами и непременным предварительным условием для заключения блока ТРОЦКИЙ поставил именно согласие на применение индивидуального террора против руководящих деятелей партии и правительства.

Вопрос: - Таким образом, вы утверждаете, что террористические позиции троцкистской организации, РАДЕК развернул перед вами не в начале установления связи с вами, по возвращении из ссылки, а позже, уже зимою в 1934-35 г. Так?

Ответ: - Да, вначале шли предварительные разговоры, которые имели характер прощупывания.

Вопрос: - А зачем понадобилось РАДЕКУ так долго, в продолжении более полугода, прощупывать вас. Вы играли крупную роль в троцкистском подполье на протяжении всех лет борьбы ТРОЦКОГО с партией, вы позже многих других вернулись из ссылки. РАДЕК был осведомлен о том, что вы стоите на активных троцкистских позициях и вашу декларацию о разрыве с троцкизмом в 1934 г. расценивал как двурушнический акт. Почему же он так медлил с вводом вас в курс террористических установок троцкистской организации и ее практической деятельности?

Ответ: - РАДЕК наверное мне доверял. Это обозначилось почти в первом же разговоре. Но какими соображениями он руководствовался, не посвящая меня сразу в террор, я не могу сказать. В этом смысле я могу делать только предположения, хотя повторяю откровенными наши разговоры стали почти сразу.

Вопрос: - А вы какую позицию в вопросе об организации террора заняли. Скажите прямо, вы террор разделяли?

Ответ: - Да, разделял. Признаю, что переход к индивидуальному террору, как к основному оружию нашей борьбы со сталинским руководством, я вместе с РАДЕКОМ разделял полностью.

Вопрос: - Против кого троцкистский центр замышлял террористические акты?

Ответ: - В первую голову против СТАЛИНА.

Вопрос: - Вопрос о терроре в ваших встречах с РАДЕКОМ обсуждался неоднократно, или вы к нему, после разговора на квартире у РАДЕКА зимой 1934-35г.г. больше не возвращались?

Ответ: - Возвращались. Террор, как основа нашей тактики, был предметом неоднократных моих подробных разговоров с РАДЕКОМ.

Вопрос: - Скажите, в общей постановке ставился вопрос о терроре, или террористическая тактика троцкистского центра обосновывалась определенным образом?

Ответ: - РАДЕК, анализируя наши старые формы борьбы, обоснованно приходил к выводу о необходимости и неизбежности перехода к террору.

Вопрос: - Каким образом РАДЕК обосновывал необходимость перехода к террористической борьбе против руководящих деятелей Компартии и советского правительства?

Ответ: - Мы много говорили об этом. Мне трудно будет припомнить все абсолютно аргументы, какие приведены были. Я постараюсь изложить основные и должен буду при этом привести подлинные выражения РАДЕКА, как они мне запомнились.

Вопрос: - Прошу вас, приводите.

Ответ: - РАДЕК подчеркивал, что никакими иными способами сменить нынешнее руководство партии и добиться перехода власти к троцкистскому блоку теперь нельзя.

Ставка на завоевание масс, низов партии бита бесповоротно. С ростом политических и экономических успехов партии - доверие к Сталину, его авторитет поднимается невероятно.

Надо сказать, что перед этим РАДЕК расспрашивал меня о моих впечатлениях от поездок по стране, по колхозам, по промышленным центрам. Я ему рассказывал, что встречал на местах доверие к партии и персонально к Сталину. И даже там, где мне пришлось видеть неурожай и где должна была бы обнаружиться неустойчивость, низовые партийцы и колхозники уверены, что с трудностями справляются. А главное - верят Сталину.

РАДЕК воспользовался этими моими сообщениями для развития аргументации в пользу террора: "Вы знаете психологию народных масс нашей страны. Сейчас никакие имена не могут быть противопоставлены Сталину и его группе. Это просто дико, НОНСЕНС /т.е. бессмыслица - это любимое выражение РАДЕКА/. Но представьте себе, что громовым ударом эти авторитетные имена вдруг сметены. Их нет. На кого тогда опереться, на кого возложить надежды?"

Разве не естественно, что в массах и в партии появится сильнейшая растерянность. Тогда у нас совершенно иные шансы. И если иметь хорошо организованные, испытанные кадры, то власть может быть нами завоевана".

Он дальше продолжал: "Каковы были прежние наши возражения против террора? Раньше всего нельзя ведь переносить механически аргументацию прежних лет на сегодняшнюю обстановку. Мы поломали не мало копий в борьбе с

народовольцами и эсэрами по вопросу о терроре.

Тогдашние наши аргументы застряли в наших головах с прочностью предрассудков, от них нужно было сейчас освободиться во что бы то ни стало.

Первое наше возражение против террора относилось к вопросу о том, что террор препятствовал организации масс. А задача наша, в те времена, сводилась именно к созданию классовой рабочей организации. Разве сейчас на очереди организация масс? Это - пройденный этап. Государственная власть может сейчас создать любую массовую организацию. С этой точки зрения террор не противостоит завоеванию масс. Стоит нам овладеть властью и за массы можем не беспокоиться.

Другое тогдашнее соображение против террора: - боремся не против лиц, а против системы. Но сейчас мы ведь не выдвигаем лозунга - против коммунизма, против советской власти. Речь идет именно об устранении определенных лиц, мешающих нам притти к власти. А главное - воскликнул РАДЕК, - разве у нас есть выбор, разве мы можем на что нибудь рассчитывать помимо террора?

Мы говорили раньше, что устранение того или иного лица из правительства царской России ничего решительно не изменит: вместо одного царя будет другой царь, вместо одного министра - другой, а все остальное останется без изменений. Сами по себе лица, против которых направлялся тогда террор, не пользовались всенародной популярностью. Фамилия министров были тогда для народных масс пустым

звуком. Имя Александра П-го или Александра Ш-го, мало что говорило массам. Лишь небольшой круг лиц разбирался в индивидуальной политической физиономии того или другого столпа царского режима.

Можно ли это соображение применить сегодня? Конечно, нет. Речь идет именно об устраниении определенных лиц и устранение их должно повлечь за собой смену руководства, приход к власти нашей организации. Это уже не простая смена одного лица другим, продолжающим ту же политику.

Всякий поймет, что замена Сталина и его группы новым руководством из нашего блока, никак не означает простой смены фамилий. Прежний довод, что устранение одних лиц ничего не меняет, — отпадает. С именем Сталина в сознании масс связано вполне определенное представление.

Мы в свое время говорили, что террористический акт, даже в случае его успешного выполнения, сам по себе не может мобилизовать массы, поднять их на поддержку террористов.

В тогдашних условиях это было правильно. Убийство царя или министра не поднимало неорганизованных масс, отнюдь не служило сигналом к восстанию, как наивно ожидали тогдашние террористы.

А что могли сделать сами террористы без организации масс? Они были горсточкой изолированных от народа идеалистов, неопытных в организационном деле. Разве мы похожи на них? У нас огромный опыт и подпольной дореволюционной массовой работы, и государственной, и дипломатической, и военной, и хозяйственной.

Наши кадры численно не велики, это правда, но качественно они очень ценные. Подумайте только у нас есть люди, бывшие и на постах Пред. Совнаркома, и пред. Реввоенсовета и руководителей промышленности.

Кроме кадров, состоящих на явном нашем учете, имеются люди и скрыто нам сочувствующие, они примкнут тогда придет их время. Наши кадры не станут пассивно ждать, они выступят каждый на своем месте. В том-то и задача нашей подпольной организации, чтобы каждый, наилучшим образом подготовился к своему выступлению в нужный момент.

Ничего подобного не было у прежних террористов. Они готовили акт, совершали его, а затем ожидали последствий, которые, по их мнению, должны были автоматически наступить сами собой. Ясно, что такой терроризм ничего общего не имеет с нашей нынешней тактикой. И тем не менее предрассудки против террора в нашей среде преодолеваются не сразу.

РАДЕК продолжал: - предрассудки против террора, у отдельных наших людей, это нечто вроде старых социал-демократических предрассудков против насилия, вроде с.-д. раболепного отношения к законности во что бы то ни стало. Всякому времени свой овощ. Ведь и мы не сразу пришли к нелегальным способам борьбы против Сталина: борьба за власть имеет свою логику. Сначала и мы были легальным течением внутри партии, с дискуссиями, подсчетами голосов и прочими атрибутами. Но эта легальность нам принесла очень мало. Мы вынуждены были прибергутъ к нелегальным ти-погромам, собраниям, листовкам. Двурушничество тоже родилось не

сразу, как метод борьбы.

Мы должны на каждом этапе борьбы менять тактику. То, что вчера было нецелесообразно, сегодня становится необходимым, даже обязательным.

Вспомните, Левушка, / обычное обращение РАЦЕКА в разговоре со мной / такой эпизод из прошлого нашей борьбы, когда ТРОЦКИЙ оказался за границей и стал печатать статьи против Сталина в буржуазных газетах, вроде махровой "Дейли Экспресс" / в 1928-29 г.г./.

Кое кто из ссыльных троцкистов / и вы в том числе/ морщились: не к лицу - де коммунисту выносить на страницы желтой буржуазной прессы наши партийные дела. Все это были предрассудки. Раз борьба начата, надо ее вести до конца и пользоваться всеми теми средствами, какие надежнее ведут к цели.

То же относится и к террору. Раньше о нем не было серьезных разговоров в нашей среде, а сейчас это основа всей нашей деятельности, главное наше оружие, которое должно привести нас к власти.

Не имеет смысла ворошить сейчас полемику вокруг террора. История еще не видела борьбы за власть в подобной ситуации.

Но главное - теперь уже не время дискуссировать о терроре. Террор стал реальностью. Наша террористическая организация вне террора сейчас не имеет смысла. Не для философской-же дискуссии она существует, а для завоевания власти. Другого пути к власти нет.

Затем РАДЕК мне сообщил, что на терроре, как основном средстве борьбы, сошлись не только троцкисты и зиновьевцы. Правые тоже пришли к этому убеждению. С ними мы сблокировались на той же платформе.

Вопрос: - Кого РАДЕК из правых называл?

Ответ: - Из правых РАДЕК называл мне ТОМСКОГО, РЫКОВА и БУХАРИНА.

Из дальнейших разговоров с РАДЕКОМ выяснилось, что террор хотя и является главным и решающим средством борьбы троцкистско-зиновьевского блока против сталинского руководства, но не единственным.

Вопрос: - А какие еще средства борьбы выдвигал РАДЕК?

Ответ: - РАДЕК мне сказал, что в области хозяйственного строительства решено использовать все троцкистские кадры для организации вредительства, для ослабления хозяйственных успехов руководства партии. Если умелой рукой создать определенные затруднения, диспропорции в хозяйстве, перебои в снабжении топливом, сырьем, металлом, - это должно заметно понизить быстро-растущий авторитет Сталина и его штаба, а в нужный и решающий момент ускорить полную катастрофу сталинского руководства.

Вопрос: - Вам известно, кто персонально взял на себя организацию контрреволюционной вредительской деятельности в промышленности?

Ответ: - Руководство вредительской контрреволюционной троцкистской деятельностью взял на себя, по словам РАДЕКА, второй член троцкистского центра Ю.Л.ПЯТАКОВ.

Вопрос: - Говоря о своих организационных связях с РАДЕКОМ и др. вы, гр-н СОСНОВСКИЙ, дали подробные показания о том, как обосновывался террор и тактика разрушительной, вредительской деятельности в троцкистской организации. Но при этом вы совершенно ничего не говорили о программных основах троцкистского центра.

Вы показали: "Замена Сталина и его группы новым руководством из нашего блока никак не означает простой смены фамилий".

Из этого следует, что стремясь к захвату государственной власти, вы ставили себе определенные политические цели. А захват власти должен был явиться только средством к осуществлению конечных ваших политических целей.

Мы требуем от вас откровенных показаний по вопросу о том, - на какой программной платформе стоял троцкистский центр.

Ответ: - Мне по этому вопросу особенно тяжело говорить.

Вопрос: - Почему "особенно тяжело"?

Ответ: - Потому, что в этом вопросе особенно ярко обнаруживается наше полное политическое падение.

Страшно выговорить пред лицом следствия, пред лицом страны, что конечной целью всей нашей подпольной деятель-

ности являлось восстановление капитализма в стране, где капитализм уничтожен уже 20 лет назад.

Но суть именно в этом, в какие бы лицемерные фразы ее не маскировать.

Вопрос: - СОСНОВСКИЙ, вы и сейчас маскируетесь. Если не страшно было сознательно организовывать террор, вредительство во имя восстановления капитализма в СССР, то незачем сопровождать свои показания на следствии всяческими патетическими восклицаниями.

Ответ: - Нет, я больше не маскируюсь. Я прямо говорю о своих преступлениях я готов нести за них ту ответственность, которая будет определена судом.

Вопрос: - Так вот, вы вернитесь к вопросу о программных установках троцкистского центра и прямо расскажите все, что вы знаете по этому поводу.

Ответ: - Совершенно ясно, что стремление к личной власти, к овладению аппаратом советского государства - вытекало из определенной нашей программной основы.

Но я должен заявить, что троцкистским центром принято было решение по вопросу о политической программе вообще не говорить и ни в коем случае ее не оглашать.

Мы понимали, что к массам с этой программой ити нельзя. Приступить к ее осуществлению можно только после окончательного завоевания власти, но борьбу с руководством партии сейчас нужно вести под другими лозунгами.

В массах мы стремились поддерживать революционные

илюзии и, если уж мы попадемся с **личным** и будем разоблачены, то лучше все свести к беспринципной борьбе за личную власть, к голому беспринципному терроризму.

В этом случае в глазах масс будут скомпрометированы только отдельные наши персоны, пусть ведущие персоны, но сохранено будет от полной компрометации движение в целом. А оглашение сейчас, в процессе борьбы за власть, нашей подлинной программы, означает полный крах, без каких бы то ни было перспектив на возможный под"ем троцкизма в будущем.

Оттого и на следствии, и на судебном процессе в августе с.г. наш троцкистско-зиновьевский центр принял на себя удар за попытку организовать государственный переворот в целях, якобы, личного стремления к власти. Но о полном капитулянтстве наших, некогда "революционных" позиций, правды не говорили, программы не выдали.

В действительности же чудовищный процесс внутренне-го политического гниения привел нас к последней черте, - к стремлению восстановить частно-капиталистические отношения в стране, к реставрации капитализма.

Так сложилось это определение нашей цели в троцкистском центре и так я лично ее воспринял, как активный участник троцкистской организации, находившийся в постоянной связи с троцкистским центром через РАДЕКА.

Нечего и говорить о том, что позиция правых и БУХАРИНА в частности, не была левее нашей в этом основном, программном вопросе.

Вопрос: - А по вопросу о государственной форме

в СССР после захвата власти, какие позиции занимал троцкистский центр?

Ответ: - Мы исходили из того, что на первых порах, во всяком случае, советская форма сохраняется.

Того, что называется цельной программой - у нас не было. Все, что вспомню дополнительно, я покажу.

Вопрос: - Вы показали на следствии, что троцкистский центр установил связь с руководством контрреволюционной организации правых и что вы лично были связаны с руководством правых.

Что вы можете показать по этому вопросу?

Ответ: - Из руководства правых я лично был связан с БУХАРИНЫМ. С БУХАРИНЫМ по возвращении из ссылки я встретился примерно в июне месяце 1934 года, но обмен враждебными партии политическими настроениями начался у нас позже.

Вопрос: - Когда?

Ответ: - Встретились мы, как я уже показал, примерно в июне, но в эту встречу мы никаких тем, кроме газетных, не касались.

Позже мои разговоры с БУХАРИНЫМ уже приняли откровенный характер и весну 1935 года следует считать началом установления моей связи с БУХАРИНЫМ, как с членом центра правых. С этого периода БУХАРИН, в переговорах со мной выступал, как член нелегального центра правых.

Я хочу о БУХАРИНЕ рассказать все, что мне известно. Я припомнил за дни моего заключения все факты, произошедшие за время наших встреч, и прошу позволить изложить мне

все эти факты, выходя из рамки лаконической протокольной записи.

Вопрос: - Прошу вас излагать свои показания, как вам лично угодно. Никаких рамок протокольной записи следствие не устанавливает. Следствие фиксирует все, что имело место в действительности, со всеми мельчайшими деталями, какие вы сами пожелаете внести в протокол.

Ответ: - Хорошо. Тогда позвольте дать показания.

Вопрос: - Прошу вас.

Ответ: - Возвратясь из ссылки и приступая к журналистской работе, я опасался встретить известное недоверие к себе, как к человеку, долго бывшему во враждебном, троцкистском лагере. Недоверие и подозрительность казались мне, особенно на первых порах, неизбежными со стороны партийного коллектива "Известий", куда я пошел работать и коллектива сотрудников.

При одной из коротких встреч с РАДЕКОМ, на его вопрос: "Как мне работается?", я поделился с ним опасением, что мне трудно будет вжиться в коллектив, ввиду неизбежности подозрительного и недоверчивого ко мне отношения. на это РАДЕК мне успокоительно ответил: "Ну, это не опасно, Николай Иванович поддержит, ведь он же свой человек".

Это было еще до того, как у нас с РАДЕКОМ установилась организационная связь, как соучастников подпольной контрреволюционной организации.

Фразу РАДЕКА, что БУХАРИН свой человек, я в тот момент истолковал так: "Ты, дескать, с БУХАРИНЫМ давнишний приятель по сотрудничеству в "Правде".

Только через несколько месяцев я правильно понял смысл этого выражения "свой человек". Я узнал, что у РАДЕКА с БУХАРИНЫМ был разговор обо мне в том смысле, что нужно меня как-то приблизить к себе, втянуть, поддержать, дать возможность закрепиться в партии и тем самым лучше использовать для контрреволюционной работы, /в тот момент я еще не был восстановлен в партии, это произошло лишь в 1935 году/.

Было ли со стороны БУХАРИНА проявлено ко мне такое покровительственное отношение, стремление укрепить мое положение в газете? Да было. Впоследствии на партийном собрании коллектива "Известий" отдельные коммунисты указывали на особенно привилегированное положение в редакции РАДЕКА и меня, на то, что БУХАРИН не давал обижать меня и РАДЕКА. Выступления эти зафиксированы в стенограмме собрания.

Там, между прочим, указывалось, что когда нужно было в дни после убийства КИРОВА послать представителя "Известий" в Ленинград, то БУХАРИН не нашел лучшего, чем послать туда меня / в тот момент даже еще не члена партии/. Эта командировка имела целью выдвинуть меня, популяризировать мое имя, привлечь к нему внимание.

С другой стороны БУХАРИН в этот период заботился о том, чтобы мои статьи не навлекали на себя каких-нибудь упреков в невыдержанности и т.п. Это нужно было, по сло-

вам БУХАРИНА, для меня, т.е. для укрепления моего авторитета.

В процессе нашего общения на протяжении зимы 1934-35 г.г. я часто становился свидетелем озлобленных, антипартийных настроений БУХАРИНА и чем дальше, тем для меня все становилось совершенно яснее, что раздражение и озлобление БУХАРИНА, которое часто резко порывалось наружу, вызывается не отдельными эпизодами, а вытекают из организованной борьбы, которую БУХАРИН против партии ведет. Отсюда создавшаяся настороженность и состояние постоянного ожидания какого-то удара. Улавливалось очень ясно состояние войны: наличие воюющего лагеря, к одному из которых принадлежит БУХАРИН, а к другому - линии партии. Во всяком случае ряд инцидентов и частных эпизодов мне показали напряженное состояние БУХАРИНА, наличие у него большой озлобленности, скрытого в обычное время и прорывающегося наружу.

В 1935 году мне приходилось несколько раз /примерно два-три раза/ оставаться с БУХАРИНЫМ наедине в его редакторском кабинете. И тут у меня с БУХАРИНЫМ уже были прямые контрреволюционные разговоры.

Первая такая беседа состоялась, если не ошибаюсь, около мая 1935 года, во всяком случае до моего отъезда в отпуск.

После того, как мы без помех закончили обсуждение интересовавших меня чисто газетных дел /речь шла о каких-то моих статьях, задержавшихся печатанием в газете/, мы перешли на диван и начали дружеский разговор.

Сначала БУХАРИН пожаловался, что ему не очень то легко достается его редакторская "доля", ссылаясь на некоторые полемические выступления "Правды" и "За индустриализацию", направленные лично против него, БУХАРИНА. Он выразился в таком смысле, что нападки эти он не считает случайными. В этом есть своя система.

На мой вопрос, чем же он об"ясняет эти "не случайные" нападки на него, БУХАРИН с горькой усмешкой ответил: "Повидимому они уловили в верхах, что ко мне полного доверия нет. Я задал ему вопрос: "А разве у тебя, откровенно говоря, есть основание претендовать на полное доверие? БУХАРИН пристально посмотрел на меня и спросил: "На что ты намекаешь"?

Тогда я сказал ему, что нет смысла, в разговоре со мной, строить из себя угнетенную невинность. Я уже посвящен Карлушей (т.е. Карлом РАДЕКОМ) в его, БУХАРИНА, настоящие настроения, что впрочем и он, БУХАРИН, частично сдадут уже в разговорах со мной.

После этого тон разговора изменился. БУХАРИН стал откровенно говорить, что двурушничать стало гораздо труднее, приходится следить за каждым своим словом и даже за каждой своей интонацией. Никогда еще так тяжело не приходилось. Доверять теперь никому нельзя и, в свою очередь, когда тебе выражают доверие, тоже принимай это доверие с поправочками.

Вообще эта беседа ограничилась со стороны БУХАРИНА прямым признанием, что он попрежнему остается на своих

позициях, т.е. на позициях правой группы, во главе которой он стоял и раньше.

Закончилась беседа шутливым, но вместе с тем и серьезным замечанием БУХАРИНА: "Ну вот наши дороги опять сомлись: ты небось не предполагал, что окажешься в одной компании с презренным правым оппортунистом".

В том же тоне я ему ответил, что ведь много воды утекло с тех пор, как мы сражались друг против друга, не dorm же появилось в нашей тактике и в нашем лексиконе одно новое слово.

БУХАРИН очевидно понял о каком новом слове я намекнул ему - речь шла об индивидуальном терроре, поставленном в порядок дня. Для меня достаточно показательно было, что БУХАРИН даже не спросил о каком новом слове в нашей тактике я ему говорю. Он меня сразу понял.

Вторая встреча с БУХАРИНЫМ состоялась вскоре после первой, там же в его кабинете.

Не помню точно, с чего именно начался разговор, но, кажется, мы оба вернулись к тому, чем закончили в предыдущий раз, т.е. о том новом слове, которое появилось в нашем подпольном лексиконе - о терроре.

Я стал развивать ту мысль, что нельзя в сущности считать постановку на очередь террора особенно неожиданной переменой тактики.

БУХАРИН подхватил: "Ведь вы, троцкисты, уже давно начали противопоставлять не только свою линию сталинской линии, но одновременно свою руководящую группу сталин-

-23-

ской группе. Устранение сталинского руководства и замена его своим, троцкистским - этот план созрел у вас довольно давно. Во всей агитации вы стремились внедрить не только ту мысль, что плоха политика СТАЛИНА, но гораздо настойчивее, что плохо персонально само руководство.

Все, что можно было,, пускалось в ход для дискредитации лично СТАЛИНА, для подрыва его авторитета в партии. В качестве тяжелой артиллерии было вначале извлечено так называемое завещание Ленина, хотя оно было и по взглядам оппозиции (по Троцкому, Зиновьеву, Каменеву), но мы оперировали им в целях дискредитации СТАЛИНА.

И не одним ведь ленинским завещанием оперировали в этом направлении. Все должно было быть в одну точку: такой человек, как СТАЛИН не достоин и не должен быть во главе партийного руководства. Он должен быть устранен и заменен другим лицом. Разве все это не является именно подготовкой террористического акта против СТАЛИНА?

Я сказал, что террористический акт начинается не тогда, когда заряжают револьвер, а гораздо раньше - когда готовится психологическая обстановка для совершения акта. Поэтому никак нельзя считать совершенно новым и неожиданным в нашем политическом обиходе слово террор.

БУХАРИН продолжил: "Ведь устранения СТАЛИНА добивались все группировки, выступавшие против него, и в блоке и порознь. А как же устранить СТАЛИНА? Посредством голосования на собраниях, на конференциях, с"ездах? Но все мы убедились, что это для нас, чем дальше, тем недоступнее,

Фантастичнее.

Если в предыдущих юоях оппозиции все же удавалось собирать тысячи голосов, то чем дальше, тем ниже были бы шансы на получение голосов в партии против СТАЛИНА. А сейчас об этом и говорить смешно. Нет, голосованием СТАЛИНА не устранишь!

Значит остается насильтвенное устранение, т.е. - террористический акт. В этом - неумолимая логика и к этому должна была придти любая оппозиция: и левая и правая.

Я согласен с тобой - заявил БУХАРИН, что ничего неожиданного в этом нет. Возьмем платформу РЮТИНА (я заметил, что будучи в изоляции не мог с ней ознакомиться), БУХАРИН оживленно продолжал: "Ведь она с первой до последней строки прямо, полным голосом, мотивирует необходимость насильтвенного устранения СТАЛИНА и доказывает, что мирное устранение СТАЛИНА невозможно. В рютинской платформе не произнесено только само слово террор. Но в этом и не было надобности, он вытекал сам собой."

Вот почему мы и встретились с вами в блоке на общей платформе, т.е. на основе признания террора.

В дальнейшем я освежился у БУХАРИНА, все ли его единомышленники солидарны с ним по этому вопросу.

БУХАРИН ответил, что среди руководящих деятелей организации правых разногласий по этому вопросу нет. На мои вопросы он ответил, назвав активными участниками правой контр-революционной организации - ТОМСКОГО, РЫКОВА

и УГЛНОВА. Они составляют, вместе с ним, БУХАРИНЫМ, руководящий центр правых.

По словам БУХАРИНА, сношения с троцкистской организацией правые возложили на ТОМСКОГО, но вместе с тем и он, БУХАРИН, и РЫКОВ достаточно связаны с троцкистами. В частности он, БУХАРИН - с РАДЕКОМ.

Лично от РАДЕКА я узнал, что БУХАРИН проводит у него на даче (на ст. Сходня, Октябрьской ж. д., у РАДЕКА и БУХАРИНА были дачи, предоставленные им "Известиями") целые ночи.

РАДЕК как то даже комически жаловался мне, что БУХАРИН прямо не дает ему спать, оставаясь ночевать у него, РАДЕКА, в спальне, вместо того, чтобы итти к себе на свою дачу.

Здесь - говорил РАДЕК - они без помех обсуждали организационные вопросы, обмениваясь информацией о деятельности организаций правых и троцкистов.

Вопрос: Когда вам РАДЕК об этом говорил?

Ответ: Об этом он говорил мне не раз. Подробно о своей связи с БУХАРИНЫМ, как с одним из руководителей нелегального центра правых., РАДЕК мне говорил помню в начале лета 1935 года, когда я приезжал к нему на "Сходню".

Так вот, БУХАРИН, во время второго разговора со мной, летом 1935 года, у себя в кабинете, со своей стороны стал интересоваться тем, что мне известно о подпольной работе нашей троцкистской организации. Я рассказывал ему, что мне известно было.

-26-

Значительный интерес проявлял в данном случае БУХАРИН к тому направлению работы троцкистской организации, которое нужно назвать вредительским, дезорганизаторским. Для БУХАРИНА, как я заметил, не было новостью, что вредительской деятельностью в промышленности руководит ПЯТАКОВ, через сохранившиеся троцкистские кадры хозяйственников.

БУХАРИН подчеркивал, что он, как экономист, способен лучше некоторых других оценить все значение экономического вредительства.

Сейчас - говорил он - авторитет СТАЛИНА поднимается на кривой экономических успехов страны. В развитии хозяйства наступил такой этап, когда каждый успех непосредственно осязательно доходит до рядового рабочего и колхозника.

Раньше этого не было и не могло быть. При всех успехах происходило только предварительное накопление ресурсов для самой промышленности.

А теперь это уже доходит до потребителя: впервые так осязательно стал чувствовать рядовой советский человек связь своего быта с общим уровнем развития промышленности и эти успехи народ приписывает непосредственно СТАЛИНУ и его ближайшим помощникам.

Попробуй переломить кривую промышленного развития и направить ее вниз и сразу приостановится рост благосостояния массы масс. А психологически что заставит задуматься: уж так-ли - правильно руководство СТАЛИНА, так-ли солидны наши действительные успехи, не были-ли успехи пятилеток искусственными, обманом, очковтирательством.

Я тебе скажу больше - продолжал БУХАРИН - сейчас не только заметное понижение кривой развития, но даже простая приостановка движения вверх, простое топтание на одном месте вызовет в массах брожение умов, будет наталкивать на мысль о бессилии сталинского руководства обеспечить дальнейший рост в прежних темпах, обеспечить обещанный решениями съезда партии рост материального и культурного благосостояния масс. В результате люди будут вспоминать, что их предупреждали против нынешнего руководства и троцкисты и правые. Это создаст благоприятную почву для нашей борьбы за власть.

БУХАРИН проявил некоторую осведомленность даже в отношении отраслей и районов, где более успешно развертывается вредительская работа хозяйственников - троцкистов, руководимых ПЯТАКОВЫМ.

Вопрос: О каких отраслях и районах вы говорили?

Ответ: БУХАРИН говорил о топливных отраслях и коксохимии.

Вопрос: Кто при этом назывался? Через кого персонально осуществляется в промышленности вредительская, разрушительная деятельность?

Ответ: Имен никаких при этом мы не называли кроме, конечно, ПЯТАКОВА.

Затем зашла у нас речь и о кадрах каждой из организаций троцкистов и правых.

Вопрос: Что вы говорили о кадрах?

Ответ: БУХАРИН приблизительно так характеризовал положение дел: у вас троцкистов - говорил БУХАРИН - за столько же лет открытой и подпольной борьбы со СТАЛИНЫМ все ваши люди, за редким исключением, успели попасть на учет НКВД. Вы имели к тому же наивность в свое время собирать многочисленные подписи под вашей платформой и другими вашими документами. Поэтому все вы известны наперечет и взять вас под наблюдение не представляет особого труда.

Новых людей едва-ли вы за эти годы могли навербовать много. Приходится вести работу тем, кто находится на учете.

Я заметил БУХАРИНУ, что и его группа вся наперечет известна, кому следует. БУХАРИН ответил, что это верно лишь в отношении одной части правых, а именно тех кто определился, как работники теоретического фронта (бухаринская школа). Действительно многие из них арестованы. В числе участников этой группы БУХАРИН, помнится, назвал СЛЕНКОВА, МАРЕЦКОГО, АСТРОВА.

Затем по линии ТОМСКОГО - говорил БУХАРИН - бывшие его сторонники из профсоюзного движения, конечно, более или менее известны НКВД, особенно верхушечный слой. Это, конечно, несколько затрудняет их использование на контр-революционной работе.

Но ведь этим не исчерпываются кадры правых. Очень многие сторонники группы правых не успели себя скомпрометировать, не попали на учет НКВД и потому сохранились

лучше других групп. Положение наше отличается от вашего (т.е. троцкистов). Вышло так - заявил БУХАРИН, что наша организация чаще всего известна только по именам ее руководителей (БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ), а основные кадры наши остались нераскрытыми и потому сохранились.

В частности БУХАРИН отметил, что, например, среди кооперативных, земельных работников имеется определенный круг людей разделяющих взгляды правых, но не выступавших еще открыто и потому не расшифрованных.

БУХАРИН заметил, что так как правые выступили значительно позже троцкистов, когда выяснилось, что открытые выступления неминуемо повлекут за собой разгром, то правые держали себя осторожнее и тем сохранили от провала определенный кадр людей. В нужную минуту они могут себя проявить.

Припоминаю еще, что в конце этого разговора БУХАРИН еще раз говорил о необходимости д'явольской осторожности: новых, надежных людей подобрать теперь нелегко, ибо есть риск нарваться на сталинских агентов.

Мне припоминается: еще в начале лета 1936 года, я пришел к БУХАРИНУ по редакционным делам. Я был как-то резко настроен по поводу очередной редакционной неприятности. БУХАРИН пересказал меня: "А ты думаешь у меня у самого мало неприятностей. Меня со всех сторон клюют, успевай только поворачиваться".

Здесь БУХАРИН мне сказал, что в Ленинграде арестовывают его людей. БУХАРИН сказал, что аресты по Академии

-30-

Наук и закрытие института истории техники, которым он руководит, - остроим своим направлено на разгром части кадров организации правых по Ленинграду.

Это вызвало у БУХАРИНА крайнее злобление и он не скрывал своего волнения по поводу начатой атаки на его ленинградские кадры. БУХАРИН крепко руялся. Его ругательства ("сволочи" и т.п.), мне показалось, не имели прямого адреса.

Я поставил БУХАРИНУ вопрос: "Кого же ты ругаешь, не машинистку же, которая печатала резолюцию о закрытии института и не сотрудника же НКВД, предявившего ордер на арест твоего человека.

БУХАРИН ответил, что ему совершенно ясно, что осторожность должна быть значительно повышенна и что можно ожидать развития широких репрессий против организации правых.

Кстати я могу вспомнить одно обстоятельство. Когда я в этот раз пришел к БУХАРИНУ и спросил секретаршу - есть ли кто-нибудь у БУХАРИНА, то она мне ответила: "Можете войти, там у него товарищ из Ленинграда, из института истории техники. Он уже давно сидит и наверное скоро уйдет".

Зайдя к БУХАРИНУ, я застал у него неизвестного молодого человека. Они замолчали. Я уселся в кресло, чтобы подождать конца их разговора. Мне показалось, что разговор их имел строго конспиративный характер, но я думал, что при моих с БУХАРИНЫм отношениях, едва-ли могут быть секреты от меня в разговоре с этим прибывшим из Ленинграда

своим человеком.

Но разговор у них оборвался и не возобновлялся больше. БУХАРИН обратился к собеседнику: "Так поезжай, значит, в Ленинград".

Они расстались и началась наша беседа, о которой я выше говорил.

Вспомнил я эту деталь потому, что свое озлобленное, возбужденное состояние, БУХАРИН мне тогда об"яснил свежестью, полученных им сообщений об аресте его людей в Ленинграде.

Вопрос: Известна ли вам фамилия лица, которого вы застали тогда у БУХАРИНА?

Ответ: Кажется секретарша до того, как я зашел в кабинет, назвала его ВАСИЛЬЕВЫМ, но я не утверждаю.

По 1936 году я должен привести еще один факт:

Вопрос: Какой факт?

Ответ: Был случай, когда весною этого - 1936 года, ЗОРИЧ написал статью в Сочинском курорте. Противником помещения статьи был тогдашний ответственный секретарь газеты "Известий" - Л.М. ЛЯМ. Временами он становился фактически единоличным хозяином газеты (во время отъезда БУХАРИНА и болезни его зам"а СЕЛИХА). Тогда ЗОРИЧ обратился за разрешением вопроса к БУХАРИНУ и статья была помещена. Но в процессе обсуждения статьи при участии ЛЯМА, БУХАРИНА и ЗОРИЧА - ЛЯМ сделал открытый, контр-революционный выпад против СТАЛИНА и, примерно в мае 1936 года, ЗОРИЧ был выз

ван в КПК к ШКИРЯТОВУ; туда же был вызван и ЛЯМ.
^{ЗОРИЧУ}

ШКИРЯТОВ предложил рассказать - какой имел место разговор в редакции о СТАЛИНЕ при обсуждении статьи ЗОРИЧА.

ЗОРИЧ об"яснил, что ЛЯМ резко высказывался против СТАЛИНА, вуалируя это суждениями о некомпетентности СТАЛИНА в архитектурных вопросах.

ЛЯМ пытался здесь смягчить свой выпад, ссылаясь на возможность запросить БУХАРИНА, присутствовавшего при разговоре. Однако, ШКИРЯТОВ заявил, что считает дальнейшую проверку излишней, ввиду ясности вопроса.

Но самое интересное и характерное для контр-революционной линии БУХАРИНА было позже. По возвращении их из КПК БУХАРИН призвал к себе ЛЯМА и ЗОРИЧА. БУХАРИН неистовствовал: "Кто же мог вынести сор из избы", т.е. довести до сведения КПК содержание разговора о СТАЛИНЕ, имевшем место в кабинете БУХАРИНА. Если не БУХАРИН и не сам ЛЯМ, который не заинтересован в обвинении самого себя, то кто же, кроме ЗОРИЧА?

БУХАРИН был в волнении и воскликнул: "Кто же доносит"? В конце концов общими усилиями припомнили (ЗОРИЧ доказывал свое "алиби"), что в процессе того разговора в кабинет БУХАРИНА входил кто-то четвертый и он мог слышать и сообщить. Следы "предателя" были обнаружены.

Следует добавить, что сам по себе ЛЯМ, пользовавшийся большим доверием БУХАРИНА (я не могу утверждать, что между БУХАРИНЫМ и ЛЯМОМ была прямая организационная связь по

линии контр-революционной организации правых, но это вполне возможно), личность сомнительного качества. Так, он исключался из партии; о нем говорили, что он скрывает свою службу у белых пулеметчиков (теперь он был только кандидатом партии) и, несмотря на эти данные БУХАРИН назначил его ответственным секретарем редакции.

В последних числах сентября я слышал, что ЛЯБ был арестован.

Вопрос: Откуда вам известно об этом факте с ЛЯМОМ и ЗОРИЧЕМ. Кто вам об этом рассказывал?

Ответ: Мне обо всем этом рассказал ЗОРИЧ. С БУХАРИНЫМ мне об этом говорить не пришлось, хотя я собирался это сделать, так как это один из фактов срыва его обычной настороженности в нелегальной работе, подобно срыву на выборном собрании зимой 1934-1935г.г., но говорить не пришлось, так как вскоре я лег в больницу.

Вопрос: Гр-н СОСНОВСКИЙ, мы предъявляем вам записку БУХАРИНА, изъятую у вас при обыске. В ней сказано: "Л.С., сейчас нет предмета для разговора и я не могу служить апелляционной инстанцией . Н.Б."

Когда и по какому поводу она написана БУХАРИНЫм и какой она имеет смысл?

Ответ: Дело обстояло следующим образом: 7 октября с.г., приказом по редакции "Известий", я был освобожден от работы в газете. Я понимал, что в газете меня вообще не оставят, но мне необходимо было все же переговорить

в редакции. Я по телефону сгв орился с заместителем редактора "Известий" - ТАЛЕМ о приеме меня. Он назначил мне притти в редакцию в 12 часов ночи 13 октября. Я явился к нему в назначенный час. БУХАРИН как раз в этот день впервые явился на работу после длительного перерыва (отпуск, а затем промежуток времени, пока было опубликовано сообщение прокуратуры об отсутствии юридических данных для привлечения БУХАРИНА и РЫКОВА к ответственности).

Естественно, что я хотел поговорить с БУХАРИНЫм о создавшемся положении (после ареста РАДЕКА, БУХАРИН оставался единственным лицом, с которым я был связан и мог посоветоваться о дальнейшем).

Я написал записочку в несколько слов, с просьбой к БУХАРИНУ принять меня. В ответ мне принесли в приемную приведенную выше записочку БУХАРИНА, что "предмета для разговора сейчас нет".

Что касается второй фразы в его записочке (о том, что он не является апелляционной инстанцией), то мне она показалась просто наивной, до глупости. Мне, как и всем в редакции, было известно, что работает комиссия ЦК ВКП(б) по просмотру личного состава редакции. Мое увольнение было, разумеется, произведено комиссией ЦК. Смешно было бы апеллировать после нее к БУХАРИНУ, положение которого в редакции, даже после опубликования сообщения прокуратуры, продолжало быть шатким. Разумеется я хотел говорить с БУХАРИНЫм вовсе не как с апелляционной инстанцией, а как с соучастником по контр-революционной организации.

Получив от БУХАРИНА такой ответ, я послал ему вторую записку следующего содержания: "Н.И., мне и в голову не приходило апеллировать к тебе. Что касается "предмета" для разговора, то мне казалось, что такой предмет есть. Впрочем тебе виднее. Л.С."

Записку БУХАРИНА я было хотел там же разорвать и бросить и даже надорвал ее поперек (в таком виде она и взята у меня при обыске), но потом не захотел бросить ее в редакции и сунул в кошелек. Там она и оставалась до момента моего ареста.

Что означает фраза БУХАРИНА об отсутствии "предмета для разговора".?

Дело в том, что в конце второй подробной нашей беседы, о которой я уже давал показания, БУХАРИН, говоря об осторожности, с какой приходится теперь действовать, полуслутя, полу серьезно сказал мне: "Вот, я говорю с тобой сейчас по душам, но если придется отвечать где нибудь, то я отопрусь - "знатъ не знаю, ведать не ведаю". Говорили только о редакционных делах, как со всяким другим сотрудником редакции".

БУХАРИН мне был известен, как человек несколько склонный к панике в опасности и потому я правильно понял его отказ от ссыдания со мной, как акт самообороны, как сжигание мостов.

Я не удовляюсь, если он действительно будет пытаться отпираться от того, что мною изложено выше. Но "предмет для разговора" у нас с ним был, а именно: как держаться

в дальнейшем, в случае ареста и вообще, как себя вести в дальнейшем.

Вот каково происхождение записки БУХАРИНА, обнаруженной у меня при аресте 23 октября с.г. Этой запиской БУХАРИН, не считая возможным повидаться со мной лично, в связи с арестом РАДЕКА и др., еще раз дал мне понять, как я должен буду держаться в случае, если арест дойдет и до меня. Во всяком случае из этой записки мне было ясно, какую именно позицию в случае ареста займет сам БУХАРИН.

Вопрос: Таким образом вы утверждаете, что БУХАРИН этой запиской, в удобной для вас и его форме, дал вам понять, как следует себя вести, в случае обнаружения вашей, совместной с ним контр-революционной деятельности и ваших отношений с БУХАРИНЫМ. Так?

Ответ: Да, записка предназначена была только для этого, так как подлинный характер моих длительных организационных и личных отношений с БУХАРИНЫМ исключал такого рода резкий и бес tactный выпад по отношению ко мне.

Вопрос: С кем, помимо РАДЕКА и БУХАРИНА, вы обсуждали вопросы о формах и целях борьбы против руководства партии?

Ответ: Больше ни с кем.

Вопрос: Это неверно, СОСНОВСКИЙ, вы не рассказываете нам всей правды.

Ответ: Я утверждаю, что больше ни с кем.

22
62

-37-

Вопрос: А с кем из участников троцкистской организации, помимо вас и ПЯТАКОВА, был связан РАДЕК?

Ответ: Я не помню, чтобы РАДЕК мне называл еще кого либо. Вообще он, как член центра, воздерживался от широкого круга непосредственных связей.

Вопрос: Вы, гр-н СОСНОВСКИЙ, знаете связи РАДЕКА, как и целый ряд других фактов из деятельности троцкистского центра.

Мы вам предлагаем прямо рассказать обо всем, что вам известно, никого не покрывая.

Ответ: Лиц, с которыми РАДЕК был связан, кроме ПЯТАКОВА, я больше не знаю.

Протокол допроса читал, записано с моих слов верно, в чем и расписываюсь.

Л. СОСНОВСКИЙ.

ДОПРОСИЛ:

НАЧ 7 ОТД СПО ГУГБ: УССР
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ: ГЛЕБОВ.

В е р н о :

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР УАО ГУГБ:

Голанский -
(Голанский)